

*Посвящается Джоан Коллисон.
Верный друг пройдет с тобой
сотни миль под дождем и снегом,
в град и гололед.*

ΠΡΟΛΟΓ

Дженна

Некоторые верят в существование слоновьего кладбища — места, куда приходят умирать больные и старые слоны. Они покидают стадо и бредут по пыльным дорогам, как титаны, о которых нам рассказывали на уроках истории в седьмом классе, когда мы изучали мифы Древней Греции. Легенда гласит, что это место, расположенное где-то в Саудовской Аравии, является источником сверхъестественной силы. А еще говорят, что якобы там хранится книга заклинаний, которые могут принести людям покой и благоденствие.

Исследователи, отправлявшиеся на поиски кладбища, неделями следовали за слонами, но потом обнаруживали, что их водят кругами. Некоторые бедолаги вообще пропадали в пути. Другие не могли потом толком вспомнить увиденное, и ни одному из тех, кто заявлял, что обнаружил слоновий погост, впоследствии не удавалось найти его вновь.

И знаете почему? Да потому что слоновье кладбище — это миф.

Действительно, ученым встречались места со следами гибели множества слонов, умерших неподалеку друг от друга в течение короткого промежутка времени. Элис, моя мама, сказала бы, что такому массовому падежу животных есть вполне логичное объяснение: слоны могли погибнуть одновременно от недостатка пищи или воды; их могли убить охотники за слоновой костью. Или же,

допустим, мощный африканский ветер согнал разбросанные по саванне кости в одно место и разбросал их концентрическими кругами. «Дженна, — заявила бы она мне, — все на свете можно объяснить рационально».

Многое из того, что людям известно о жизни и смерти слонов, — это не домыслы, а вполне научные факты. Все это мама тоже могла бы мне рассказать. Мы бы сидели с ней рядышком под большим дубом, где любила отдыхать в холодке Маура, и наблюдали бы, как слониха хоботом срывает желуди и швыряет их, словно мячики. Мама оценивала бы каждый бросок, как судья на Олимпийских играх: «Восемь и пять... Семь и девять. Ого! А это прямо в десятку».

Может, я слушала бы ее. Или просто закрыла бы глаза и попыталась запомнить исходивший от маминой кожи запах спрея против комаров или то, как она рассеянно заплетала мои волосы, завязывая кончик косы травинкой.

Может быть, все это время я хотела, чтобы слоновье кладбище существовало на самом деле, только пусть бы оно предназначалось не для одних лишь слонов. Потому что тогда я могла бы отыскать там маму.

ЭЛИС

Когда мне было всего девять — задолго до того, как я выросла и стала ученым-биологом, — я думала, что знаю все или, по крайней мере, хотела все знать, а в моем понимании это было почти одно и то же. Тогда я обожала животных. Я знала, что группа львов называется «прайд» и что дельфины относятся к млекопитающим. Что у жирафов целых четыре желудка, а ножные мускулы саранчи в тысячу раз сильнее человеческих. Мне было известно, что у белых медведей кожа под мехом черная, а у медуз нет мозга. Все эти сведения я почерпнула из приложения к детскому журналу, подписку на который подарил мне мой неудавшийся отчим, бросивший нас год назад. Теперь он жил в Сан-Франциско вместе со своим лучшим другом, которого мама, когда думала, что я не слышу, называла другой женщиной.

Так или иначе, каждый месяц по почте приходили новые карточки с любопытными фактами из жизни животных, и однажды, в октябре 1977-го, была доставлена самая лучшая — посвященная слонам. Затрудняюсь объяснить вам, почему именно слоны стали моими любимцами. Может быть, виной всему дизайн моей спальни: на полу в детской лежал мохнатый ковер с изображением джунглей, а на обоях, вдоль бордюра, плясали маленькие симпатичные слонята. Или все дело в том, что первым мультфильмом, который я посмотрела, когда еще только училась ходить, стал «Дамбо». Или же так

повлияла на меня шуба с подкладкой из индийского сари со слониками, которую мама унаследовала от своей матери, моей бабушки.

Из той октябрьской карточки я узнала основные сведения о слонах. Это самые крупные наземные животные на планете, их вес может превышать шесть тонн. Каждый день они съедают триста-четыреста фунтов пищи. У них самая продолжительная беременность среди всех сухопутных млекопитающих — двадцать два месяца. Слоны живут племенными сообществами, которые возглавляют самки, обычно старейшие в группе, их называют матриархами. Именно главная самка каждый день решает, в какую сторону направится стадо, когда все будут отдыхать, где станут кормиться и куда пойдут на водопой. Слоны растят и защищают все родственницы женского пола, и детеныши путешествуют вместе с взрослыми слонихами, но, достигнув возраста тринадцати лет, подросшие слонята-самцы покидают стадо. И с тех пор, как правило, живут поодиночке, хотя иногда образуют «мужские союзы».

Все это общеизвестные факты. Я же увлеклась предметом и стала копнуть глубже — перечитала все книги из школьной библиотеки, постоянно расспрашивала учителей. А потому могу добавить еще немало интересного: например, что кожа у слонов обгорает на солнце, именно по этой причине они посыпают себе спины пылью и катаются в грязи. Их ближайший родственник из ныне обитающих на земле животных — это горный даман, маленький пушистый зверек, похожий на морскую свинку. Я узнала также, что слонята, чтобы успокоиться, могут сосать свой хобот, ну совсем как дети — большой палец. И что в 1916 году в Эрвине, штат Теннесси, слониха по кличке Мэри была привлечена к суду за убийство и повешена.

Оглядываясь назад, я думаю, что маме надоело слушать мою вечную болтовню о слонах. Вероятно, поэто-

му однажды утром в субботу она подняла меня еще до рассвета и сказала, что мы отправляемся в путешествие. Жили мы тогда в Коннектикуте, и зверинцев поблизости не было, но в зоопарке «Форест-Парк» в Спрингфилде, штат Массачусетс, держали настоящую живую слоницу, и мы собирались на нее посмотреть.

Сказать, что я пришла в восторг, — значит ничего не сказать. Всю дорогу я забрасывала маму шутками о слонах.

Кто красивый, серый и ходит в стеклянных туфельках? Слон-Золушка.

Почему слоны все в морщинах? Они не помещаются на гладильную доску.

Как слезть со слона? Никак. А зачем вы вообще на него забрались?

Зачем слону хобот? Чтобы тушить пожары.

Когда мы приехали в зоопарк, я мигом обежала его весь и довольно быстро отыскала слоницу Морганетту.

Но она оказалась совершенно не такой, какой я ее себе представляла.

Ничего общего с величественным животным, изображенным в книгах, которые я прочитала от корки до корки. К тому же слониха была прикована цепью к огромному цементному блоку в центре загона и не могла далеко от него отойти. На задних ногах у нее виднелись потертости от «браслетов». Одного глаза у Морганетты не было, а другим она на меня не смотрела. Да и зачем? Я ведь всего лишь очередная двуногая посетительница, пришедшая поглазеть на нее, посаженную в тюрьму.

Мама тоже была потрясена плачевным состоянием слонихи. Она подозвала смотрителя, который рассказал, что раньше Морганетта участвовала в городских парадах и выполняла разные трюки, например состязалась в перетягивании каната с местными школьниками, но с возрастом стала непредсказуемой и жестокой. Она била посетителей зоопарка хоботом, если те слыш-

ком близко подходили к ее клетке, и сломала запястье одному зрителю.

Я расплакалась.

Мама потащила меня обратно к машине, и мы отправились в четырехчасовой путь домой, пробыв в зоопарке не больше десяти минут.

Бедная слониха никак не шла у меня из головы. «Неужели ей ничем нельзя помочь?» — задалась я вопросом.

И таким образом в девятилетнем возрасте превратилась в защитницу животных. Совершив поход в библиотеку, я села за кухонный стол и написала мэру Спрингфилда письмо с просьбой не держать Морганетту в такой тесной клетке и вообще предоставить ей больше свободы.

Он не просто ответил на мое обращение, но переслал письмо в газету «Бостон глоуб», где его и опубликовали. А потом мне позвонил корреспондент: он хотел сделать репортаж о девятилетней девочке, убедившей мэра перевести слониху Морганетту в более просторный вольер, предназначенный для буйволов. На школьном собрании мне вручили специальную награду «Неравнодушный гражданин». А потом пригласили в зоопарк для участия в церемонии открытия нового слоновника, и я вместе с мэром перерезала красную ленточку. Меня ослепляли вспышки фотокамер, а позади нас расхаживала по вольеру Морганетта. На этот раз она взглянула на меня своим единственным глазом, и я поняла, просто поняла и всё, что слониха по-прежнему несчастна. Пережитые ею страдания — цепи и раны от ножных «браслетов», побои, может быть, даже воспоминания о том, как ее насильно забирали из Африки, — никуда не исчезли, но остались с ней в загоне для буйволов и заняли все свободное пространство.

Хочу заметить, что мэр — его фамилия была Ди-мауро — и дальше продолжал заботиться о слонихе.

В 1979 году, после того как в «Форест-Парке» умер белый медведь, зоопарк закрылся, и Морганетту перевезли в Лос-Анджелес. Вольер у нее там был еще больше, с прудом, игрушками, а компанию ей составляли две старые местные слонихи.

Знай я тогда то, что знаю сейчас, могла бы сказать мэру: если вы поместите слона рядом с ему подобными, это еще не значит, что животные подружатся. Слоны такие же уникальные личности, как и люди. Вы же не станете утверждать, что двое случайно оказавшихся рядом незнакомцев обязательно станут приятелями. То же самое касается и слонов: между двумя особями не возникнет близких отношений просто потому, что они принадлежат к одному биологическому виду. Морганетта продолжала погружаться в глубины депрессии, худела и чахла. Примерно через год после переезда в Лос-Анджелес слониху нашли мертвой на дне устроенного в вольере пруда.

Вывод: иной раз вроде бы делаешь все, что только можно, однако результат получается такой, будто носишь воду в решете.

Мораль истории такова: как бы вы ни старались, сколько бы усилий ни прилагали, как бы ни хотели что-то изменить к лучшему... иногда счастливого конца все равно не выходит.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Откуда во мне рыцарская куртуазность?
Такое чувство,
будто меня, как шарик, надул озорной мальчишка.

Был я когда-то размером с сокола, был и со льва.
Раньше я не был слоном, но теперь-то знаю:
я слон.

Шкура висит мешком; хозяин меня бранит
за неудачный трюк. Я упражнялся всю ночь под навесом,
и теперь меня тянет в сон.

У людей я ассоциируюсь с грустью,
а то и с рассудочностью. Рэндалл Джаррелл
сравнил меня с Уоллесом Стивенсом, американским поэтом.

Видно и мне это сходство в нескладных трехстишьях,
но все же, пожалуй, я больше похож
на Элиота, дитя европейской культуры.

Любой, кто так щепетилен, страдает
от нервных срывов. Мне не по нраву эффектные
эксперименты под куполом на канате.

Мы, слоны,
воплощаем собой покорность,
меланхолично мигрируя к смерти.

Но известно ли вам, что когда-то в Греции
слонов учили
писать копытами алфавит?

Предельно усталые, мы лежим на широкой спине
и в воздух бросаем сено. Но это
не молитвенный ритуал, а просто способ отвлечься.

Нет, не покорность видите вы в наших последних движениях:
это прокрастинация. Очень уж больно слону
наземь укладывать грузное тело...

Дэн Чиассон. Слон

Дженна

В области памяти я настоящий профи. Мне всего тринадцать, но я уже изучила этот предмет вдоль и поперек, хотя другие девочки в этом возрасте обычно штудируют глянцевые журналы. Есть такой вид памяти об окружающем мире, который основан на опыте, в том числе и негативном, и на здравом смысле — вроде знания, что печка горячая, а если не обуешь зимой сапоги, то отморожишь ноги. Есть то, что запечатлевается в памяти благодаря органам чувств: посмотри на солнце и невольно прищуришься, а червяки — это не лучшая еда, поскольку выглядят весьма неаппетитно. Существуют также сведения научного характера: например, даты, которые ты запоминаешь на уроках истории, а потом жонглируешь ими на экзамене, потому что они важны, по крайней мере нам так объясняют в школе, в великой схеме мироздания. А есть подробности личного характера, которые врезаются в память, ярко высвечиваясь на графике твоей собственной жизни, однако не имеют значения ни для кого больше, кроме тебя самого. В прошлом году наш учитель естествознания позволил мне провести независимое исследование памяти. Большинство педагогов доверяют мне работать самостоятельно, потому что понимают: на уроках я скучаю. Похоже, некоторые из них откровенно меня побаиваются, поскольку подозревают, что я знаю больше их, а кому же охота сесть в лужу.

Мое первое воспоминание белесое по краям, как засвеченный снимок, сделанный со слишком яркой вспышкой. Мама держит в руке палочку с обвитым во-круг нее конусом сахарной ваты. Она прикладывает палец к губам: «Это наш секрет», — и отщипывает маленький кусочек. Клочок сахаристых ниток прикасается к моим губам и тает. Мой язычок оборачивается вокруг маминых пальцев и жадно их облизывает. «Iswidí, — говорит она мне. — Сладенькая». Это не моя бутылочка, а нечто совершенно новое: вкус незнакомый, но приятный. Потом мама наклоняется и целует меня в лоб: «Uswidí. Любимая».

Мне тогда было не больше девяти месяцев от роду.

Согласна, это довольно необычно, потому что у большинства детей первые воспоминания относятся к возрасту между двумя и пятью годами. Нет, младенцы вовсе не страдают амнезией, они многое запечатлевают в памяти еще до того, как начнут говорить, но, странное дело, теряют доступ к своим ранним воспоминаниям, стоит им только овладеть речью. Может быть, я запомнила этот эпизод с сахарной ватой, поскольку мама говорила на не родном для нас обоих языке коса, который освоила во время работы над диссертацией в ЮАР. Или причина, по которой в моей памяти сохранился этот случайный эпизод, — своего рода компромисс, предложенный мозгом, потому как я отчаянно хочу, но никак не могу вспомнить кое-что, а именно: подробности того вечера, когда исчезла моя мать.

Она была ученым-биологом и на протяжении довольно долгого времени изучала, в частности, память. Это составляло часть ее работы о посттравматическом стрессе у слонов. Вы наверняка не раз слышали что-нибудь вроде «Ну и память у него, прямо как у слона». Так вот, это не просто поговорка, но научно доказанный факт: слоны и впрямь ничего не забывают. Если вам нужны доказательства, могу предоставить вам все дан-

ные, собранные моей матерью. Сама я выучила их наизусть, хотя вовсе не ставила перед собой такую задачу. Официально опубликованные результаты маминого исследования гласят, что память связана с сильными эмоциями; негативные моменты запечатлеваются навсегда, словно бы надписи, сделанные несмываемым маркером на стенах мозга. Однако существует тонкая граница между негативными впечатлениями и травмирующими. Первые откладываются в памяти, а вторые стираются, или настолько искажаются, что становятся неузнаваемыми, или, как у меня, превращаются в одно большое блеклое, белое ничто, которое заполняет голову, стоит мне только сфокусироваться на том вечере.

Перечислю факты.

1. Мне было тогда три года.

2. Согласно полицейскому отчету, мою мать «нашли без сознания на территории заповедника, лежащей на земле, примерно в миле к югу от места, где был обнаружен труп смотрительницы, и отправили в больницу для оказания медицинской помощи».

3. Обо мне в протоколе не упоминалось. Но позже бабушка забрала меня к себе, потому что мой отец, на которого столько всего сразу обрушилось, слетел с катушек — в буквальном смысле слова.

4. Ночью мама пришла в себя и сбежала из больницы, скрылась в неизвестном направлении.

5. Больше я ее никогда не видела.

Иногда жизнь представляется мне двумя вагонами, которые столкнулись в момент исчезновения моей матери, но при попытке рассмотреть, как они были изначально сцеплены, я вижу лишь зияющий провал, мелькание шпал и отшатываюсь. Я знаю, что была в то время непоседливой белобрысой девчужкой, которая носилась по округе как угорелая, пока ее мать наблюдала за слонами, делая бесчисленные заметки научного характера.

Теперь я подросток, слишком серьезный для своего возраста и не по годам умный, что частенько оборачивается мне же во вред. Несмотря на впечатляющие успехи в естественных и прочих науках, я терплю поражение и выгляжу довольно жалко всякий раз, когда дело касается реальной жизни: к примеру, я не знала, что Wanelo — вебсайт, а вовсе не название модной рок-группы. Если восьмой класс школы — это микрокосмос социальной иерархии подростков, а моя мама, определенно, рассматривала бы ситуацию именно под таким углом, то знание наизусть пятидесяти слоновьих стад, обитающих в местности Тули-Блок на востоке Ботсваны, не идет ни в какое сравнение со способностью перечислить всех участников англо-ирландского бой-бэнда «One Direction» и рассказать их биографии.

Нельзя сказать, что я не вписываюсь в школьную жизнь, так как являюсь единственной в классе сиротой. У нас есть немало учеников из неполных семей, которые скучают по родителям или, наоборот, не желают с ними общаться, а у кого-то отец или мать теперь живут с новыми супругами и другими детьми. И тем не менее настоящих друзей в школе у меня нет. В столовой я сижу за столом в самом дальнем конце и в одиночестве ем то, что дала мне с собой бабушка. А тем временем крутые девчонки — которые, Богом клянусь, называют себя сосульками! — болтают о всякой ерунде. Например, о том, что они, когда вырастут, будут работать в крупнейшей косметической компании, придумают новые оттенки лака для ногтей и назовут их в честь известных голливудских фильмов, что-нибудь вроде: «Малинмены предпочитают блондинок» или «Сияние фуксии». Пару раз я пыталась вступить в разговор, но они всякий раз косились в мою сторону так, будто от меня воняет, морщили курносые носики и возвращались к прерванной беседе. Не стану утверждать, что меня сильно расстраивает подобное пренебрежение со стороны одно-

классниц, поскольку моя голова занята значительно более важными мыслями.

Но вернемся к загадочному исчезновению моей матери. Воспоминания о детских годах у меня довольно пестрые и обрывочные. Я могу рассказать вам о своей новой спальне в доме бабушки, где стояла моя первая взрослая кровать. На прикроватной тумбочке — маленькая плетеная корзина, неизвестно почему полная розовых пакетиков с искусственным подсластителем, хотя кофемашины рядом нет. Каждый вечер, еще до того как научилась считать, я заглядывала в корзину и проверяла, на месте ли они. И до сих пор так делаю.

Я могу поведать о том, как поначалу мы навещали отца в психиатрической больнице Хартвик-Хаус. Коридоры там насквозь пропахли лекарствами и мочой; а когда бабушка подталкивала меня, чтобы я поговорила с папой, и я забиралась на кровать, дрожа от мысли, что нахожусь так близко к человеку, которого узнаю, но совсем не знаю, он не двигался и не открывал рта. Я могу описать, как из его глаз текли слезы, и это казалось мне вполне естественным и ожидаемым явлением, вроде того как банка с холодной колодой запотеваает в жаркий день.

Помню я и ночные кошмары, которые на самом деле не были таковыми: просто я просыпалась от глубокого сна под громкие трубные звуки, издаваемые Маурой. Хотя бабушка всякий раз прибегала в мою комнату и объясняла, что слониха-матриарх живет теперь очень-очень далеко, в другом заповеднике в Теннесси, я не могла избавиться от гнетущего чувства, будто Маура пытается что-то мне сказать и если бы я говорила на слоновьем языке так же хорошо, как мама, то непременно поняла бы ее.

От матери у меня остались только исследования. Я подолгу размышляю над ее дневниками, потому что знаю: придет день, когда слова на странице вдруг вы-

Пиколт Дж.

П 32 **Время уходить** : роман / Джоди Пиколт ; пер. с англ. Е. Бутенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23623-3

Больше десяти лет Дженна Меткалф не перестает думать о своей матери Элис, которая загадочным образом исчезла после трагического происшествия, когда девочке было всего три года. Дженна отказывается верить, что мать могла бросить ее, и внимательно перечитывает старые дневники Элис в надежде разгадать ее тайну. Отчаянно стремясь узнать правду, она подключает к поискам матери двух незнакомцев: Серенити Джонс, экстрасенса, и Верджила Стэнхоупа, потрепанного жизнью частного детектива, который когда-то служил в полиции и расследовал дело Элис. По мере того как незадачливая троица начинает собирать по кусочкам историю жизни пропавшей женщины, воспоминания Дженны увязываются с описанными в дневниках матери событиями, и в результате вскрываются гораздо более шокирующие подробности, чем можно было предположить.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДИ ПИКОЛТ
ВРЕМЯ УХОДИТЬ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Юлия Теплова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.10.2023. Формат издания 76 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 23,97.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

H-MBB-32576-01-R